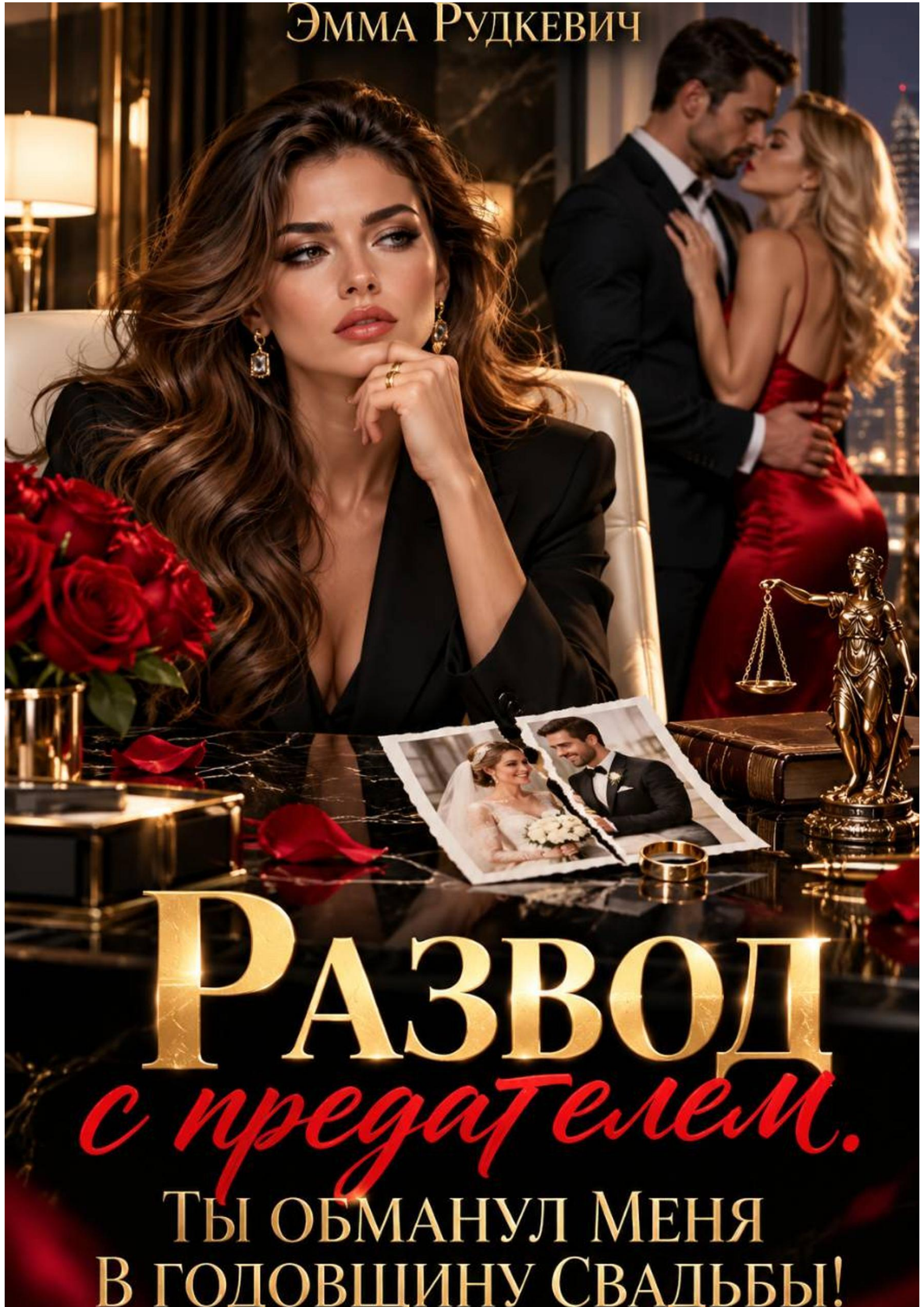

ЭММА РУДКЕВИЧ

РАЗВОД *с предателем.*

ТЫ ОБМАНУЛ МЕНЯ
В ГОДОВШИНУ СВАДЬБЫ!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем. Ты обманул
меня в годовщину свадьбы!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Ты обманул меня в годовщину свадьбы! /
Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я вернулась из Монако с новыми разработками и мечтами о будущем. Но охрана не пустила меня в собственную клинику.— Ты здесь никто, Марина! — усмехнулся муж, обнимая беременную любовницу. — Долю ты подарила мне сама. Оказалось, в годовщину свадьбы Виктор подсунул мне договор вместо обычных бумаг. Теперь он забрал бизнес, лишил меня дома и угрожает моему сыну. Опасный инвестор Артур предлагает защиту, адвокатов и шанс вернуть «Эстетику». Но взамен требует права на мои медицинские методики. Я вырвусь из ловушки мужа и верну своё имя. Только не окажется ли мой спаситель опаснее предателя? И кому теперь доверить судьбу сына?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Ты обманул меня в годовщину свадьбы!

Глава 1

Водитель остановил такси возле ограждения. До «Эстетики» оставалось идти по грязи: на Тверской опять перекопали подъезд. Я проверила телефон, хотя заряжать его было негде. Один процент. Пока разглядывала батарейку, на стекло набежала вода; за ней уже не различить вывеску клиники.

— Не могу дальше, барышня, — буркнул водитель, не оборачиваясь. — Там пробка до горизонта и ограждения.

Я выбралась с кейсом на тротуар и сразу промочила туфли. Тяжелую ручку пришлось перехватить повыше. Внутри были образцы новых филлеров с конференции в Монако — три дня без сна, пять презентаций, коллеги, которых я до сих пор привыкла только читать. На последней презентации мне аплодировали стоя. Хотелось выложить образцы перед Виктором, увидеть, как он покрутит упаковку и поднимет на меня глаза: теперь наше название знают и там. Я даже не позвонила из аэропорта. Пусть удивится.

Гравий попадал между каблуком и подошвой; я несколько раз встряхнула ногой, не сбавляя шага. Вот дотащу образцы — и можно перестать быть докладчиком, который обязательно ответит еще на один вопрос. Я перехватила кейс другой рукой, чтобы не натереть ладонь, и представила, как он заберет его у двери. Скажет: «Ну, моя умница». Потом, конечно, расскажет кому-нибудь, как удачно послал жену на конференцию. Я уже знала эту его манеру, но сейчас согласилась бы и на неё. Хотелось домой, к сухим тапочкам и его довольному лицу.

Свет в окне кабинета директора горел слишком ярко для половины двенадцатого ночи. Оттуда доносился женский смех. Я остановилась возле лужи, приподняв кейс, чтобы не задеть воду. В это время пациенты уже разошлись. Кто остался у него в кабинете? Обошла лужу и пошла быстрее, перестав беречь туфли.

В холле никого. Я обрадовалась, что не придется здороваться, пока с меня течет вода, и придержала кейс возле бедра. Из-за стойки потянуло сладким запахом — духи, наверное; обычно здесь пахло дезинфектором. За ресепшеном сидела девушка. Молодая, с идеальной укладкой и круглым животом. Увидев меня, она демонстративно выпрямилась, положив ладонь на живот.

— Посторонних не пускаем, — бросила она, даже не подняв глаз от телефона.

Я решила, что это новенькая. В первый день девочки на стойке часто держались строже охраны; потом я приносила им кофе, и всё налаживалось. Только эта даже не посмотрела на мокрый кейс.

— Посмотри внимательнее, дорогая.

Я достала из сумочки золотистый бейдж владельца клиники и связку ключей, которые носила годами. Тяжелые, с фирменным тиснением «Эстетика». Девушка наконец подняла глаза: сначала на эмблему, потом на мокрые туфли. Я подержала бейдж ближе к её лицу — вдруг буквы мелкие. Девушка отодвинулась, как от вещи, которую ей пытаются всучить.

— Вы кто? Бывший персонал? Вам сюда нельзя. У нас новая система доступа.

— Новая система? — переспросила я, чувствуя, как по спине ползет холодок. — Я Марина Волкова. Владелец этой клиники. Позови Виктора.

Она ничего не ответила, только нажала кнопку под столом. Через минуту из лифта вышли двое охранников. Крупные, в черных пиджаках.

— Проводим вас, гражданка.

— Руки прочь! — заорала я, отшатываясь. Кейс ударился о турникет; образцы внутри глухо стукнули о стенку. Я повернулась боком, собираясь протиснуться между охранниками, но меня схватили за локоть. Ручка кейса потянула кисть вниз; я вцепилась в нее крепче, чтобы не уронить образцы. Я дернулась, пытаюсь приложить бейдж к считывателю двери, ведущей в административную зону. Лампочка вспыхнула красным. Отказ.

Меня повели обратно в холл. Я дернула локоть, но пальцы охранника только сжались. Пришлось идти туда, куда он вел. Туфля скрипнула на чистом полу, оставив грязный след — мой собственный пол, а я вдруг захотела стереть этот след, чтобы никого не раздражать. Из административного коридора выглядывали сотрудники. Те, кто еще вчера называл меня шефом, теперь отвели глаза. Один сотрудник смотрел на меня, пока я не попыталась встретиться с ним глазами. Тут же спрятался за дверь.

И тут дверь кабинета открылась.

Виктор вышел, поправляя пиджак. Я еще успела подумать, что он задержался ради меня: встретить, забрать кейс. Потом увидела, как он смотрит на девушку за стойкой. Девушка с ресепшена прошла мимо охранников и взяла его под руку. Ольга. Так он назвал её позже. Она коснулась его рукава возле манжеты. Спокойно, привычно. Я уставилась на её пальцы: совсем недавно так же снимала нитку с этого пиджака и не сомневалась, что имею право.

— Ты чего орешь, Марина? — он сказал это негромко, чтобы слышали охранники. Даже «Марина» у него получилось с той интонацией, какой делают замечание при посторонних.

С плеча его ладонь съехала ей на талию. Ольга чуть повернулась к нему, подставляя бок, и он притянул её ближе. Я ждала, что он сейчас уберет руку. Увидел меня ведь. Не мог не увидеть. Кейс тянул кисть вниз, но разжать пальцы я не сумела.

— Что происходит? — мой голос сорвался на шепот.

— Домой иди, — сказал Виктор. — Тут бизнес-вопросы. Тебе не место.

— Бизнес-вопросы? — Я засмеялась. Нервно, истерично. — Я построила этот бизнес, Виктор! Каждый кирпич, каждый контракт! А ты... ты стоишь здесь со своей секретаршей!

— Секретаршей? — Он хмыкнул, поправляя манжету рубашки. — Она моя ассистентка. И будущая мать моего наследника. А ты... ты помеха. Приехала с триумфом? Ждала оваций за свои игрушки с иглами?

Он повернулся и скрылся в кабинете. Ольга послала мне воздушный поцелуй и толкнула дверь. Та не закрылась до конца: в щели осталась полоска света.

Я ломанулась внутрь, толкнув охранников. Они не стали меня останавливать силой — им было приказано просто ждать. Внутри пахло кофе и дорогим табаком. Виктор сидел за моим столом, в моем кресле. Здесь всё было куплено моими руками — вплоть до кожаной подставки, на которую он бросил телефон.

— Уходи, пока я не вызвал полицию за вторжение, — сказал он, не поднимая глаз от бумаг.

— Ты не имеешь права! — Я схватила со стола стопку документов. — Это моя подпись! Ты подделал её!

— Подпись настоящая, — спокойно ответил он. — Договор дарения доли. Подписан месяц назад. В день нашей годовщины. Ты сама поставила роспись, Марина. Помнишь? Мы пили шампанское, ты была счастлива. А потом уснула.

На нижнем росчерке подписи было то же неловкое утолщение, какое оставляла ручка в день годовщины. Я помнила, как трясла её над листом. Он подал другую, поцеловал меня в волосы: «Просто формальность для бухгалтерии». Потом шампанское, музыка, свеча. Я все

смотрела на свою подпись, и от этого узнавания хотелось вывернуть бумагу наизнанку. Не её он подделал. Тот вечер.

— Ты украл всё, — прошептала я.

— Я защитил активы от некомпетентного управления, — поправил он. — Клиника растёт, Марина. Благодаря мне. А ты теперь никто. Ни хирург, ни жена. Просто бывшая сотрудница, которая нарушает режим безопасности.

Он встал и обошел стол. Был выше меня на голову. Мне пришлось задрать подбородок. Он стал между мной и дверью, и я невольно отступила к краю стола — туда, где секунду назад сама размахивала документами.

— Если ты устроишь скандал, если пойдешь к журналистам или юристам, у тебя будут проблемы. Серьезные. Знаешь, почему? Потому что я знаю о твоём сыне. О том, где он учится и кто его опекуны. Хочешь, чтобы мальчик остался без матери? Без стабильности?

Я перестала слышать сотрудников за дверью. Артём. Виктор знал про моего сына от первого брака, знал школу, людей рядом с ним — всё, что я так старательно держала подальше от клиники и чужих вопросов. Он ведь сам уверял меня, что мальчика сюда впускать нельзя. Сейчас мне захотелось прикрыть листами лицо: стоял и ждал, когда я испугаюсь достаточно сильно.

— Ты мерзавец, — выдавила я.

— Я реалист, — улыбнулся он. — Иди домой, Марина. Там ждет машина. И не вздумай возвращаться. Ключи я сменил час назад.

Я развернулась и побежала. В коридоре ждал юрист с собраний акционеров. Серый костюм я узнала раньше лица. Он открыл папку, увидев меня, и придержал пальцем нужный лист: даже искать не пришлось.

— Гражданка Волкова, — протянул он папку. — Виктор Аркадьевич поручил передать вам предложение о полюбовном расторжении брака. Алименты символические. Имущество остается в клинике. Подпишите здесь, и никаких проблем не будет. Ни с вами, ни с вашим ребенком.

Я выхватила папку и швырнула ему в грудь. Бумаги рассыпались по полу.

— Пошел на хрен!

Глава 2

По дороге к гаражу я придерживала юбку, чтобы не наступить на подол. В ушах еще звучало «ни с вашим ребенком». Едва не вернулась к юристу — спросить, сколько ему заплатили за эти слова. Машина Виктора, тот самый черный внедорожник, который он подарил мне на свадьбу (и который был записан на его компанию), блокировала выезд. Я стукнула кулаком по капоту своего старого седана, который тоже оказался заблокирован другим авто. Выхода нет.

Телефон ожил. Один процент зарядки. Сообщение от мамы: «Виктор звонил. Сказал, ты сорвалась на нервах, лежишь в частной клинике под капельницей. Не волнуйся, я еду к тебе».

Я прочла сообщение дважды. Мама уже ехала спасать меня — к нему. Что бы я ни сказала теперь, она сначала спросит, не пора ли мне успокоиться. Хотелось набрать её, но красная батарейка мигнула, и я убрала телефон к груди, согревая его под пальто. Один процент. Даже на возмущение его не хватит.

Кейс с образцами я оставила у седана и спряталась в темном углу гаража, за колонной, слушая, как сверху гаснет свет и со скрипом опускаются ворота. Здесь пахло бензином и сыростью. Я села возле колонны, поджав ноги, и провела ладонью по щеке. Потом снова: слезы текли так быстро, что вытирать было бесполезно. Хотелось, чтобы хоть здесь никто не попросил предъявить пропуск. Я прижала колени к груди и спрятала лицо.

Пальцы дрожали, шаря по карманам пальто в поисках платка. Вместо него я нашла смятую визитку. Ту самую, которую я отвергла на конференции в Монако. Артур Валентинович. Инвестор, которого называли «волком в овечьей шкуре». Человек с опасной репутацией, который предлагал мне слияние, а я посчитала его слишком жестким. Слишком темным.

На обороте визитки, написанное неразборчивым почерком ручкой, читалось: «Если станет совсем темно — звони. Я люблю тех, кто умеет видеть в темноте».

Я разгладила визитку о колено. В Монако Артур говорил о слиянии так, будто уже видел мою клинику изнутри. Мне тогда не понравилось, как быстро он перестал улыбаться после отказа. Теперь я смотрела на написанный номер и думала: этот хоть не станет говорить, что всё ради любви. Если ему нужны мои руки и имя, пусть сначала заплатит за то, чтобы Виктор их отпустил.

Я разбудила телефон. Экран вспыхнул тусклым светом, озаряя мое заплаканное лицо. Пальцы набрали номер. После каждого гудка я отводила экран от уха: не погас ли? Номер держала открытым, боясь, что не успею набрать второй раз.

Теперь я звонила Лене. Пальцы сводило от холода и дрожи, но телефон я сжимала так крепко, что пластик впивался в ладонь. Считала гудки. Три. Четыре. Пять.

— Лена? Это я.

Больше ничего не вышло. Мы знакомы двадцать лет, и я не придумала, как начать разговор с того, что мне негде ночевать.

Лена молчала. Я подождала, готовая сказать всё одним выдохом, только бы она спросила, где я. В трубке что-то зашуршало, затем заговорил мужчина — далеко, слов не разобрать. Лена так и не ответила. Щелчок, и экран показал конец вызова. Я еще несколько секунд держала его у уха.

Я набрала снова. Вызов сразу сбросился. Она заблокировала меня?

Я представила, как она сейчас откладывает телефон, чтобы не видеть мое имя. Виктор и с ней поговорил? Наверняка назвал меня мошенницей, объяснил всё терпеливым голосом. Ему шло терпение — особенно перед людьми, которые не знали, сколько раз он за день приносит врачу «просто формальность». Хотелось снова позвонить, заставить Лену выслушать. Палец уже лег на кнопку; я убрала его. Еще один сброс я сейчас не выдержу.

В кармане оставалось двести рублей и мелочь. На такси до центра не хватит, на еду — едва ли. Но мне нужна была крыша. Любая.

На мокром тротуаре я переступала с ноги на ногу: вода в туфлях давно согрелась, зато пальцы всё равно мерзли. Столько денег за эту обувь. Еще утром мне нравилось, как она смотрится с юбкой. Заряд уходил на входящие сообщения — спам, рекламу, угрозы. Пришлось выключить экран. Я заблокировала всё, кроме одного контакта. Славик. Бывший анестезиолог, единственный, кто мог знать правду о наших операциях.

Бар «Третий этаж» пах перегаром, жареным мясом и дешевым табаком. У соседних столов спорили, перекрикивая музыку. На меня не посмотрели даже тогда, когда я задела сумкой чужой стул. Хорошее место для такого вечера. Славик сидел в углу, крутя в пальцах стакан виски. Я ждала, что он хотя бы подвинет ко мне стакан воды. Славик потянул виски к себе, освобождая место на липком столе. Мне пришлось самой сдвинуть салфетницу, чтобы положить сумку.

— Марина? — он даже не встал. Потянулся было к своему стакану, но задержал руку, разглядывая мое лицо. Будто хотел успеть заметить всё до того, как я сяду. — Ты чего здесь? Тебя же... ну, ты знаешь.

— Знаю, — я села напротив, игнорируя липкую поверхность стола. — Виктор платит тебе молчать. Или говорить нужные вещи?

Славик усмехнулся, сделав глоток. Он придержал стакан за край, отставив мизинец. Этот жест меня вдруг взбесил: так аккуратно, словно неловкой здесь была только я.

— Он платит за то, чтобы персонал клиники был спокоен. Чтобы никто не задавал лишних вопросов. А ты сама виновата, Марин. Не надо было верить менеджеру по продажам, когда можно было верить хирургу. Мы все видели, как ты работаешь. Красиво. Но слишком честно. В этом бизнесе честность — это дыра в кармане.

Он говорил «слишком честно» почти ласково. Подсовывал мне объяснение, которое я должна была принять и перестать мешать ему пить. Я смотрела на пузырек у края стакана. Славик снова поднял виски к губам, и мне захотелось выбить у него из рук эту уютную уверенность, что я пришла просить.

— Ты думаешь, я пришла просить милостыню? — спросила я тихо.

— А зачем еще? У тебя ни дома, ни денег, ни мужа. Хотя муж... — он хмыкнул. — Хорошая замена. Ольга, правда, немного старовата для него, но фигура ничего.

Я схватила его стакан. Холодный виски плеснулся ему в лицо прямо с края. Стекло звякнуло о стол. Славик вскочил, вытирая глаза рукавом, шипя сквозь зубы. Люди вокруг замолчали.

— Запомни этот вкус, Слава, — сказала я, поднимаясь. — Это вкус твоего страха. Потому что когда я вернусь, ты будешь умолять меня хотя бы посмотреть на твои швы.

Я вышла на улицу, не дожидаясь реакции. За спиной двигались стулья; кто-то засмеялся и сразу замолчал. Я не обернулась. В ладони еще оставался холод стакана, а на рукаве — капля виски. Потерла её большим пальцем и только на улице заметила, что улыбаюсь. Улыбка была нехорошая. Пусть Славик запомнит и её.

В гостиницах на окраине прежде всего просили паспорт. Пока я пыталась объяснить, администраторы уже смотрели на часы. Ночь у них была рабочая, моя история — лишняя.

— Без документов не пускаем, — женщина за стойкой даже не подняла головы от телефона. — Правила есть правила.

— У меня их забрали, — ответила я, пытаюсь улыбнуться. — Мне нужен только угол. На одну ночь.

Она наконец посмотрела на меня. Взгляд скользнул по моему лицу, затем вниз, к сумке.

— Это вас показывали в новостях? Хирург-убийца? — она отодвинула от себя мою сумку, которую я поставила слишком близко к стойке. — Извините, дорогая. У нас тут проверка завтра. Не хочу проблем.

Она убрала ключ, который уже собиралась снять с крючка. Я проследила за её рукой. Попросить только вымыть ноги? Дать посидеть до утра? Но женщина уже смотрела поверх моего плеча, дожидаясь, когда я освобожу стойку. Это оказалось хуже, чем ее «хирург-убийца».

Я развернулась и пошла прочь. Голова кружилась от голода и унижения. Таксист на парковке курил, прислонившись к машине. Его глаза блеснули, когда он увидел мою растерянность.

— Плохой вечер? — спросил он, затушив сигарету о подошву.

— Хуже, — ответила я. — Мне нужно место, где не будут спрашивать документы. Где нет камер.

Он осмотрел меня с ног до головы, оценивая.

— Есть одна конторка на Пролетарской. Там заселяют за наличку, если очень попросишь. Но там дерьмово. Комната пять метров, душ общий.

— Сколько?

— Если расскажешь, что там, в «Эстетике», реально творится — бесплатно. Мне жена хочет туда попасть, а ей отказывают. Говорят, списки закрыты.

Он ждал ответа, поглядывая на мою сумку. Я могла напугать его красивой страшилкой и получить комнату. Или предупредить про то, что видела сама. На секунду стало противно: еще утром я бы позвала его жену на консультацию, чтобы она перестала бояться.

— Не ведите туда жену, — прошептала я. — Сейчас там директор решает, что делать с лицом пациента. Не врач. Я не поручусь ни за одну процедуру.

Таксист кивнул, открыл заднюю дверцу.

— Садись. Я знаю хозяина. Может, пустит.

Глава 3

Комната оказалась крохотной клеткой с запахом сырости и старой краски. Кровать скрипела, как умирающий зверь. Я упала на нее, не снимая пальто. На тумбочке лежал зарядный провод — воткнула его в телефон и только тогда позволила себе закрыть глаза. Тишина давила на уши.

И тут завибрировал телефон. Номер сына.

Я выпрямилась на кровати, прижав телефон к уху. Только бы не услышать его плач.

— Алло? Тёма?

Голос мальчика был тихим, испуганным.

— Мама? Почему ты не берешь трубку? Папа Витя сказал, что ты уехала в командировку. Надолго. Он говорит, что ты плохая мама, потому что бросила нас.

Я прикусила губу. Сыну нельзя слышать, как я плачу: иначе решит, что всё еще хуже, чем ему сказали.

— Тёма, слушай меня внимательно. Я не бросила тебя. Витя врёт. Я не уехала, я в Москве. Он отобрал клинику и не пускает домой, но это не значит, что я отказалась от тебя. Слышишь? Я не оставляю тебя с ним.

— А где мы будем жить? — спросил сын. — Тут много еды, но Витя кричит на тетю Олю. И она плачет. Мне страшно.

— Потерпи, сынок. Совсем чуть-чуть. Я найду способ вернуть тебя. Просто будь осторожен. Никому не открывай дверь, кроме няни.

— Ладно, мам. Целую.

— И я тебя целую.

Я сбросила вызов и выдохнула. В дверь застучали, не дав мне даже убрать телефон.

Стучали по три раза, с паузами, будто заранее решили, сколько времени дать мне на ответ.

Я застыла. Я посмотрела на визитку Артура, лежавшую рядом с телефоном. Неужели всё-таки он? Потом услышала, как один из пришедших проверяет ручку. Так гостей не приглашали даже здесь. Виктор называл этих людей «мягким давлением»; за тонкой дверью мягкость кончалась.

Стук повторился, громче.

— Открывай, Марина! — прорычал низкий голос за тонкой фанерой двери. — Подпиши бумагу об отказе от претензий, и мы уйдем. Иначе мы зайдем сами.

Я встала, держась за спинку кровати, и подошла к окну. Снаружи была пожарная лестница. Разглядела рыжую ржавчину на ступенях, попробовала представить, как полезу по ним в этих туфлях. Если придется — полезу. До ручки двери так и не дотронулась.

Я не стала открывать. Я села у окна и замерла в темноте, слушая их дыхание за дверью, скрежет ключей в замке (они пытались подобрать), и упиралась ступнями в пол, чтобы не подняться и не открыть им. Тому, кто кричал, надоест раньше, чем мне. Я повторяла это про себя, пока в горле не пересохло. Руки всё еще тряслись; я спрятала их между коленями. Пусть. Подпиши этими руками они не получат.

Когда посветлело, стали видны полосы грязи на стекле. Стук прекратился около пяти утра. Они оставили записку, затолканную в щель под дверью. Поднимать записку не стала. Пусть лежит там, где её запихнули. С меня хватило документов за эту ночь.

Вышла на улицу. Воздух был морозным, кусачим. Я шла пешком, экономя последние деньги на автобус. Ноги болели, желудок сводило от голода. И вдруг я увидела витрину.

«Эстетика». Я остановилась возле знакомых букв. Под вывеской было светло, в холле тоже. Как будто вчера меня вовсе не выталкивали отсюда за локоть.

Через стекло я увидела Виктора. Он стоял посреди холла, обнимая беременную Ольгу. Она смеялась, запрокинув голову, а он что-то шептал ей на ухо, глядя по животу. Виктор что-то сказал, и Ольга снова рассмеялась. Я ждала, что он посмотрит к двери. Он гладил ее живот, не отрывая глаз от лица, и я узнала эту его улыбку. Еще месяц назад улыбался так мне.

Я шагнула к двери. Если войду, он опять скажет «ты чего орешь», а я и правда заору. В стекле появилось мое отражение — помятый воротник, лицо после ночи без сна. На секунду прижала ладонь к стеклу. Потом достала телефон и навела камеру на них. Три снимка подряд, пока они стояли рядом.

На последнем снимке Ольга смотрела прямо в объектив. Я увеличила фото, проверила резкость. Вот так, рядом с ним, под вывеской моей клиники. Теперь они не смогут сказать, что мне показалось.

Я убрала телефон и пошла дальше. Желудок сводило так, что приходилось останавливаться. Во время одной такой остановки я снова открыла снимок. Виктор улыбался. Мне захотелось добраться до еды, согреться, выспаться — с упрямством, которого прежде не было. Не дать ему получить мое лицо таким, какое оно сейчас.

Вернувшись в номер, я обнаружила, что телефон вибрирует. Незнакомый номер. Москва.

Ответила, не говоря ни слова.

— Мне доложили о тех двоих у двери, — голос Артура Валентиновича был низким, бархатным, и от него по спине побежали мурашки. — Ты не сломалась. Ты стала опаснее. Завтра в 9 утра. Адрес в сообщении. Если опоздаешь — я забуду твой номер.

Звонок оборвался.

Я смотрела на экран. Мне не нравилось его «забуду твой номер». Уже распорядился мной, хотя я ничего ему не должна. Я перечитала адрес и прикинула дорогу. В девять значит в девять. Но опускать глаза перед ним, как перед женщиной в гостинице, я не собиралась.

Я надела единственную чистую рубашку, которая была в сумке. Она была смята после дороги; я разгладила воротник влажной ладонью. Зеркало над раковиной искажало лицо. Я приблизилась, вытерла запотевший участок и поправила воротник. Рубашка годилась. Лицо — хуже. Но я могла смотреть на себя, не прячась, и к девяти это было важнее всего.

Перед «Сити» я забыла, с какой стороны вход. Обошла стеклянную стену, вернулась: из метро шла за людьми и не посмотрела на указатель. Туфли опять натерли пятки. Уже в холле остановилась, чтобы перевести дыхание, и прижала ладонь к желудку — от голода стало подташнивать. Визитку Артура держала в кармане, отдельно от мелочи. Я несколько раз доставала её в метро, проверяя написанный номер. Хотелось знать, что я не ошиблась человеком, хотя проверить это можно было только сейчас.

У турникета охранник задержался взглядом на грязном подоле пальто. Я запахнула его повыше и сразу разозлилась: чем дольше пытаюсь прикрыться, тем внимательнее он разглядывает.

— Пропуск? — он смотрел на место у моего воротника, где должен был висеть бейдж.

— У меня его нет, — ответила я, чувствуя, как внутри закипает стыд и злость. — Мне нужен Артур Валентинович. У меня встреча на девять. Марина Волкова.

Он хмыкнул, потянувшись за рацией. Я уже отступила на полшага: еще один охранник, еще одно «гражданка, на выход». Вчера мне хватило. Если он сейчас спросит, почему я не записалась заранее, я даже не знаю, кому позвонить. Имя Артура было моей единственной записью на прием.

Но прежде чем охранник успел нажать кнопку, динамик в его ухе пискнул. Он замер, слушая чужой голос, и его лицо медленно изменилось. Охранник отдернул руку от рации и выпрямился. Еще секунду назад мог выгнать меня без объяснений; теперь ждал, пока я сама сделаю шаг.

— Проходите, — буркнул он, открывая турникет. — Третий этаж. Не дышите громко.

В лифте я отряхнула подол — грязь уже подсыхала и осыпалась на пол. На третьем этаже нашла кабинет без таблички, по указанию охраны. Постучала, не решаясь нажать ручку. Внутри скрипнуло кресло.

— Войдите.

Глава 4

Артур сидел спиной к окну, на фоне серой утренней Москвы. Свет настольной лампы выхватывал только его руки — длинные, сильные пальцы перебирали бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.